

Если бы это не звучало столь двусмысленно, я бы назвал моего сегодняшнего героя профессионалом любви. Не в смысле донжуанства и прочих личных доблестей — тут — ша, тут — не наше дело, а в смысле профессионального знания темы. Ибо именно он создал свой «театр про любовь», и именно ему известность принесла пьеса, которая называлась «Сто четыре страницы про любовь». И это он исследует любовь в самые разные времена — от Сократа и Нерона до Сталина и Николая II, это он... Да что там долго говорить-то?

Андрей МАКСИМОВ,
ведущий рубрики «Коллекция любви».

Эдвард Радзинский: «Я ревнив. Как все рыбки»

— Одна из первых реплик вашей пьесы, Эдвард Станиславович, с замечательным названием «Она в отсутствии любви и смерти» звучит так (как говорят политические обозреватели, цитирую): «Каждое утро, проснувшись, я ощущаю ваши губы с такой физической реальностью, что становлюсь безумной. И со всей силой этого безумия говорю вам: я вас люблю». Сказано сильно... Среди тех многочисленных исторических персонажей, о которых вы писали, были ли люди, умеющие любить столь страстно, как героиня вашей пьесы?

— Вы знаете, бесконечное количество персонажей, которые так умели любить. Вот, например, Екатерина II, Екатерина Великая. Считается, что она была очень не постоянна, что у нее было много любовников. Но она вообще-то была однолюбка. Где-то двенадцать-тринадцать лет ее правления у этой дамы, жившей в галантном веке, был всего лишь один возлюбленный — князь Григорий Орлов. Она его не только безумно любила, но и была ему абсолютно верна, а вот Григорий Орлов не любил ее так, как она требовала, и более того — все знали, что любил он еще многих. Постепенно она устала — и от своей верности, и от его измен. И решила Орлова поменять. Сделала она это, как и положено царнице, блистательно: усладала его, заключила мир с турками. Прощаясь, она целовала его столь страстно, что казалось, идет расставание любовников, и бедный Орлов не понимал: они прощаются навеки. Когда он приехал на переговоры, брат его — Алексей Орлов — был в панике: «Ты не понял? Нас теперь обоих нет в Петербурге». Алексей волновался не напрасно. Вскоре после отъезда Григория в покоях императрицы появился заместитель. (Он был так же красив, так же глуп, как Григорий Орлов, только вот она его не любила.) Когда Орлов узнал об этом, он тут же помчался в Петербург. Но в столице его встретила стража, и в город его не пустили. Дальше началось нечто совершенно поразительное: на три месяца замерла вся государственная жизнь в Петербурге! Екатерина грустила, Екатерина рыдала, прощаясь с любовником. Орлова в город не пускали, но она ждала, что через все запреты он про-

рвется к ней. Императрица писала письма, желая откупиться от ветреного друга, требуя, чтобы он ушел (в душе мечтая, чтобы он пришел к ней). Но он... он не понял. И всю последующую жизнь Екатерина приводила в свою спальню мужчин, похожих на Григория Орлова. Правда, постепенно они молодели — Орлов запомнился женщине молодым... Последним ее возлюбленным был Зубов, которому вообще было чуть за двадцать. Но когда один из ее давних возлюбленных, в ту пору уже старый человек, возмутился: «Как можно! Сколько лет вам и сколько Зубову!» — Екатерина ответила прекрасно: «Отчество должно быть мне благодарно за то, что я воспитываю для него молодых людей».

— Эдвард Станиславович, а как вы — как нынче принято говорить, «по жизни» — относитесь к женщинам, которые живут по законам Екатерины — меняют своих любовников даже чаще, нежели современные женщины перчатки?

— Для меня есть только два типа женщин: одни имеют талант любить, то есть страдать, другие этого таланта не имеют.

— Извините, а почему любить — значит страдать? Разве не бывает счастливой любви?

— Счастливая любовь, как правило, меняется на любовь несчастную, ибо всякая женщина знает: тот, кого она любит, — не тот. Она знает, сколь несовершенен ее возлюбленный, и, главное, она знает, что он ее все время обижает.

— Спорно, но — может быть... А в вашей жизни больше встречались те, что любить умеют, или те, кто этого дара лишен?

— Мне встречались только те, кто любить умеет. Женщины второго типа меня избегали, или я их избегал. Вы знаете, я их чувствую кожей, они меня чувствуют так же, и я им противен, и они мне просто не интересны.

— Вы изучили огромное количество

исторических персонажей. На ваш взгляд, любовь им чаще мешала или помогала жить?

— Конечно, помогала. Это только кажется, что любовь мешает. Бедный Хемингуэй застрелился, когда понял, что лишен этой возможности — любить. Когда любви нет — человек нем. Рука берется за перо только в тот момент, когда писатель любит. У Пикассо была замечательная фраза: «Если бы мне некого было любить — я полюбил бы ручку от двери».

— А как вы, в связи с этим, относитесь к мужчинам, которые женились в семнадцать лет и всю жизнь прожили с одной женщиной?

— Потрясающе отношусь. Кто знал много женщин — тот знал женщин, кто знал одну женщину — тот знал любовь.

— Но разве любовь не превращается с течением лет в привычку?

— Любовь — это взаимное путешествие друг в друга, и порой люди в нем оказываются неисчерпаемы. Люди могут жить вместе двадцать лет и любить друг друга каждый год по-разному. В этом и прелесть.

— А страсть исчезает?

— Иногда исчезает, иногда — нет... Есть такой рассказ, кажется, у Джека Лондона. Это совершенно очарова-

времена, которые способствуют любви, и времена, которые ей мешают?

— Конечно! Кажется, Цветаева писала: «Какая была радость жить в восемнадцатом веке, когда женщины занимались любовью, а не политической». И была совершенно права. Это был пленительный век! Всем мужчинам было немощно за тридцать, а женщинам — чуть-чуть за двадцать. С раннего утра до позднего вечера мужчины разрабатывали стратегию... нет, не как завоевать страну, а как завоевать женщину. Герцог Орлеанский, болевший всеми возможными дурными болезнями, гордился ими — как ранами, полученными на поле битвы. Вообще, мне этот человек особенно симпатичен, потому что он не воевал. Он был правитель-регент при малолетнем короле, но воевать совершенно не хотел. И когда ему сказали, что, мол, надо бы издавать хоть какие-нибудь законы, герцог издал прекрасный закон: «Запрещается все, что мешает наслаждению», — и на этом завершил свою законодательскую деятельность.

— Как вы считаете, женщины, которые были вашими возлюбленными, были счастливы?

— Надеюсь, да. Я смею надеяться. Во всяком случае, мы никогда не расставались врагами, и я поддерживаю с ними отношения.

— А сцены ревности вы устраивали?

— Как все рыбки, я ревнив.

— В качестве произведения, в котором для вас с наибольшей силой звучит тема любви, вы назвали музыку Моцарта. Зная, что вы написали пьесу о Моцарте — а значит, занимались его биографией, — я хотел бы спросить: что у него были за отношения с женой? Существует даже версия, что она — пусть косвенно — способствовала его гибели?

— Да нет, что вы! Это очень типичная история: Моцарт и Констанция — гений и подруга. Она знала, что у нее есть муж, который именуется Моцарт, она даже верила, что он очень хороший музыкант. Просто она не знала, что это — гений.

— И так — всегда? Неужто не существовало гениев, у которых была — ну, скажем так — достойная их жена?

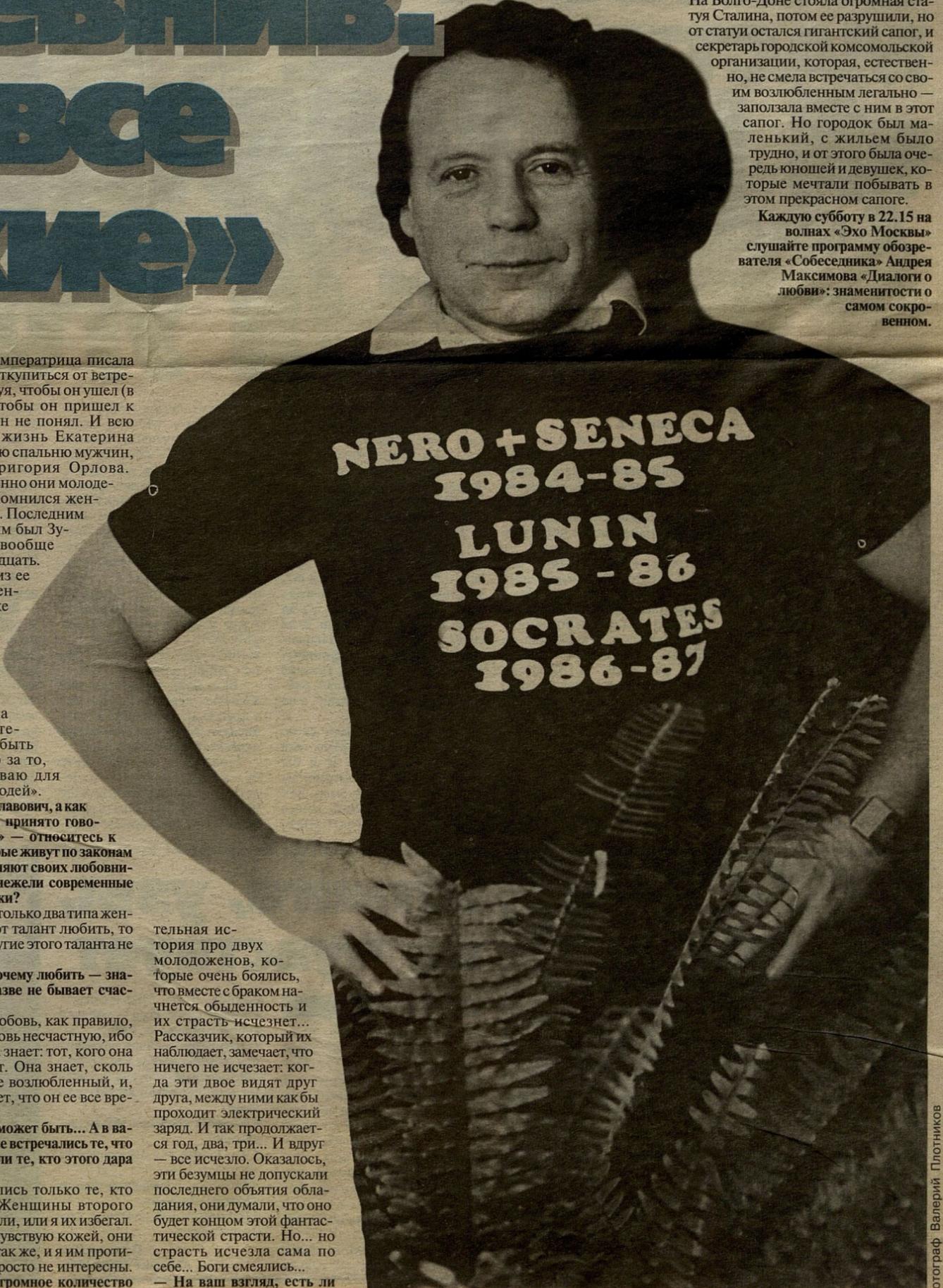
— Был, ее так и называли: «лучшая из жен русской литературы» — это жена Достоевского. Она была очаровательно неумна, но она понимала, кто ее муж. Всю жизнь ему служила, он был с ней счастлив и, умирая, сказал фразу, которую редкий муж может сказать своей жене: «Все эти годы я не изменял тебе даже мысленно».

История любви

от Эдварда Радзинского
— В моей книжке «Наш декамерон», которая вся состоит из историй о любви, есть забавная, на мой взгляд, история.

На Волго-Доне стояла огромная статуя Сталина, потом ее разрушили, но от статуи остался гигантский сапог, и секретарь городской комсомольской организации, которая, естественно, не смела встречаться со своим возлюбленным легально — заползала вместе с ним в этот сапог. Но городок был маленький, с жильем было трудно, и от этого была очередь юношей и девушек, которые мечтали побывать в этом прекрасном сапоге.

Каждую субботу в 22.15 на волнах «Эхо Москвы» слушайте программу обозревателя «Собеседника» Андрея Максимова «Диалоги о любви»: знаменитости о самом сокровенном.

Радзинский Эдвард

Э.С.